

характеризующих языковое поведение представителей разных возрастных групп. Для старшего поколения немецкий еще остается одним из основных средств коммуникации, но русский язык выполняет уже не вспомогательную роль, а стал полноправным языковым вариантом их языкового репертуара. Языковое поведение младшего поколения характеризует языковой сдвиг и смена кода в сторону русского языка. Среднее поколение занимает промежуточное положение, сохраняя немецкую диалектную компетенцию и возможность общаться на немецком со старшим поколением, но предпочитает общение на русском языке в большинстве жизненных ситуаций, приближаясь по своим привычкам употребления языка к представителям младшего поколения, хотя и не в той же степени.

Анализ современного состояния немецких диалектов в Сибири показывает, что островные диалекты сохранились как форма существования немецкого языка, при этом они сохраняют свою самостоятельность и самобытность на всех языковых системных уровнях.

Не подлежит сомнению смешанный характер всех исследуемых островных немецких говоров. В условиях длительной изоляции от языка прародины одни островные говоры сохранили лишь наиболее общий характер диалектов исходного языкового коллектива, другие не утратили многие специфические черты своих предшественников, третьи, занимая промежуточное положение, утратили при скрещении первичные, но сохранили вторичные признаки. Так, нижненемецкий Алтайского края (с.с. Гришковка, Протасово, Полевое и др.) сохранил основные черты нижненемецких говоров Западной Пруссии, говор с. Камыши имеет наиболее общие признаки гессенских диалектов, приближаясь к южногессенскому типу, говоры елизаветградской группы (с.с. Елизаветград, Шумановка, Забавное, Дегтярка, Редкая Дубрава) обнаруживают при сопоставлении сходство с южнорейнско-франкским диалектным ареалом, а языковые признаки говоров красноармейской группы (с.с. Красноармейский, Дегтярка) соответствуют основным чертам южнофранкского диалекта. Сохранив рейнско-франкскую основу, в значительной степени отошли от диалектов прародины говор с.Подсосново и говор с.Желтенького, сложившиеся в результате дальнейшего смешения различных западно- и восточносреднемецких говоров Поволжья. Говор бывшего с. Самсоновки, сложившись в основных чертах на Волыни, получил основные признаки восточносреднемецкого.

Значительное число фонетических признаков немецких диалектов характерно с некоторыми местными различиями для базовых немецких диалектов западной части России, ориентированных на нижненемецкий, южнонемецкий, западно- и восточносреднемецкие диалектные ареалы. Но среди исследуемых говоров нет ни одного, который бы полностью совпадал с описанием говоров, существующих в настоящее время на территории ФРГ, как нет и таких, которые являлись бы точным по-

вторением какого-либо говора материнских колоний, описанных советскими диалектологами (Жирмунский, Дингес, Дульзон, Лонцигер, Миронов и др.). Основной причиной своеобразия этих говоров является то, что они возникли в результате многократного смешения первоначально различных немецких диалектов.

Определенная общность в территориальном, экономическом и социальном отношении сел Немецкого национального района способствовала взаимопроникновению отдельных элементов разных диалектных групп, что привело к дальнейшему выравниванию верхненемецких говоров на основе общих признаков. Нижненемецкие говоры также испытывали определенное воздействие со стороны верхненемецких говоров.

Выделенные на основании фонетических признаков группы островных говоров имеют свои морфологические особенности. Несмотря на длительное развитие в условиях изоляции от исходного языкового коллектива рассматриваемые говоры сохраняют, хотя и в разной степени, изоморфные черты, свойственные диалектам исходных языковых областей.

В островных диалектах в зонах наиболее интенсивных междиалектных и межъязыковых контактов в большой степени проявляется действие аналогии, стремление к унификации. При этом интенсивность преобразований в этом направлении затрагивает в большей степени морфологический уровень языка.

Параллельность развития многих процессов в говорах можно рассматривать как результат ареальной конвергенции с учетом тесных контактов между диалектоносителями.

Анализ обширного диалектного материала позволяет сделать вывод о том, что исследуемые говоры не только сохраняют архаизирующие тенденции, но иногда, продолжая развиваться, опережают норму. Не скованные литературной нормой языковые процессы в диалектах протекают с большей интенсивностью. Так, аналитические тенденции в островных говорах отражают общую тенденцию развития немецкого языка, отличаясь от литературного языка темпами развертывания аналитизма.

Анализ фонетических, морфологических и лексических особенностей островных немецких говоров показал высокий уровень сохранения исследуемых диалектных систем. В то же время за период длительного развития в иноязычном окружении островные немецкие диалекты подверглись интенсивному воздействию со стороны русского языка. Тот факт, что русский язык оказывает все большее влияние на развитие островных немецких говоров, объясняется при рассмотрении интралингвистических факторов: переход к координативному билингвизму большинства диалектоносителей и ограниченные контакты с литературным немецким языком.

** Исследование выполнено при финансовой поддержке Российской гуманитарной научной организации в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Текстовый корпус немецких диалектов на Алтае»), проект № 12-04-00360а.*

Библиографический список

1. Matheier, K.J. Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen // Sprachinselforschung / K.J. Matheier ; Hrsg. N. Berend; K.J. Matheier. – Frankfurt am Main, 1994.
2. Домашнев, А.И. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи / А.И. Домашнев, Л.Б. Копчук. – СПб., 2001.
3. Москалюк, Л.И. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. – Барнаул, 2000.
4. Жигульский, К. Праздник и культура. – М., 1985.

Bibliography

1. Matheier, K.J. Theorie der Sprachinsel. Voraussetzungen und Strukturierungen // Sprachinselforschung / K.J. Matheier ; Hrsg. N. Berend; K.J. Matheier. – Frankfurt am Main, 1994.
2. Domashnev, A.I. Tipologiya skhodstv i razlichij yazikovykh sostoyaniy i yazikovykh situatsiy v stranakh nemeckoy rechi / A.I. Domashnev, L.B. Kopchuk. – SPb., 2001.
3. Moskalyuk, L.I. Sociolinguistic aspects of speech behavior of Russian Germans in conditions of bilingualism. – Barnaul, 2000.
4. Zhigul'skiy, K. Prazdnik i kul'tura. – M., 1985.

Статья поступила в редакцию 20.09.12

УДК 811.112.2'28 (571.150)

Moskvina T.N. A SEMANTIC VARIATION OF ADJECTIVES IN INSULAR GERMAN DIALECTS IN ALTAI IN DIACHRONIC ASPECT.

The study of insular German dialects is a particular field of knowledge in classical dialectology and semantics. They keep the language units, which have been lost in the source-language and acquired a new interpretation. Their study has a special significance for understanding the dynamics of the language development and allows us to reconstruct the direction of the movements that took place in the language in the past.

Keys words: dialectology, diachronic semantics, insular German dialects, semantic of adjectives

Т.Н. Москвина, канд. филол. наук, АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: moskvina@uni-altai.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Исследования островных немецких говоров представляют особую область знания в классической диалектологии и семантике. В них сохранились языковые единицы, которые были утрачены языком-основой или получили совершенно новое осмысление. Их изучение имеет особое значение для понимания динамики языкового развития и позволяет восстановить направление происшедших в прошлом языковых движений.

Ключевые слова: диалектология, историческая семантика, островные немецкие говоры, семантика прилагательных.

В рамках классической немецкой диалектологии особое место занимает островная диалектология, которая занимается изучением «языковых островов», т.е. языковых эксклавов, полностью окруженных ареалом распространения другого языка или языков. Островные немецкие говоры – гетерогенные языковые образования, сформировавшиеся, с одной стороны, в отрыве от языка-основы и в иноязычном окружении (русский язык), с другой стороны, в процессе длительного контакта и смешения друг с другом. Все островные говоры Алтайского края сохраняют до сих пор основные черты исходного диалектного ареала, но в результате языковых и социальных контактов наблюдается взаимопроникновение и взаимовлияние диалектных систем. Таким образом, все говоры Алтайского края имеют смешанный характер.

История немецких поселений в Кулундинской степи, а также языковая ситуация в компактных немецких поселениях на Алтае подробно представлены в работах историков и диалектологов [1; 2; 3; 4 и др.]. Современное состояние островных немецких говоров Алтайского края во всех проявлениях (фонетические особенности, грамматическая структура, лексико-семантическая система, явления интерференции и переключения кода) исследовано и описано в работах Л.И. Москалюк (см., например, монографию [1] и др.). Большое количество работ посвящено отдельным аспектам фонетического, грамматического и лексического строя островных говоров Алтайского края (И.Г. Гамалей, Ю.В. Серых, Н.Н. Степанова, Н.В. Трубакина, Е.И. Граневич, Т.Н. Москвина, Н.П. Гейгер, Н.А. Вахрушева и ряд других). Учитывая постоянно снижающееся количество носителей диалекта вследствие миграционных процессов и низкий уровень языковой (диалектной) компетенции у среднего и младшего поколения, исследования островных немецких говоров являются актуальными.

Именно лексика островных диалектов привлекает исследователей своей самобытностью. Общее развитие островных диалектов определяется двумя противоположными тенденциями: для них характерно сохранение старых элементов языка, вышедших из употребления на территории исходного языкового коллектива и большая проницаемость, вызванная влиянием иноязычного окружения [2, с. 10-11]. Обе эти тенденции свидетельствуют об изменчивости диалекта как языковой формы на различных уровнях, т.е. о его способности приспосабливаться к языковой ситуации и успешно функционировать в ней в качестве основного языка-общения. Основной чертой диалектной лексики является ее вариативность. Как отмечает З.М. Богославская, «варьирование слова – узел взаимоотношений между разными сторонами, ярусами языка: с одной стороны, между субстанциональной и семантической, с другой – между фонетической, грамматической, словообразовательной и лексической. Варьирование – один из видов системных отношений в лексике, тесно связанный с другими видами системных отношений и, следовательно, играющий важную роль в функционировании и развитии лексического фонда языка» [5, с. 3-4]. Вариативность островных немецких говоров не в последнюю очередь обусловлена самим характером их функционирования.

Этот процесс изменения на всех уровнях является зачастую немотивированным и неконтролируемым со стороны говорящих. Носители языка отмечают лишь несколько иное употребление той или иной лексической единицы. Исследование всех случаев и контекстов употребления того или иного слова в различных островных говорах позволяет сделать вывод о стабильности или изменчивости конкретной языковой единицы. Изучение спектра значений в синхронии и диахронии дает основу для сопоставления островного говора с другими диалектами немецкого языка, существующих в Германии сейчас и их более ранними вариантами с помощью исторических словарей.

Объектом анализа в данной статье являются эмотивные прилагательные, называющие и описывающие различные эмоции и эмоциональные состояния, функционирующие в немецких говорах Алтайского края в с. Подсосново, с. Кусак, с. Гальбштадт и с. Константиновка, жители последнего были переселены в с. Шумановка после его ликвидации¹. Эмотивная лексика говора с. Шумановка в целом была комплексно описана ранее [6]. Говоры с. Константиновка (Шумановка) и с. Подсосново относятся к верхненемецкому языковому ареалу, а говор в селах Кусак и Гальбштадт – к нижненемецкому [1, с. 27].

В корпусе прилагательных наблюдается большое количество прилагательных, относящихся к общенемецкому словарному фонду, которые при сохранении полной или частичной общности значения являются диалектными формальными (фонетическими) вариантами одной и той же лексической единицы. Например, *kluk, kluch* – *klug*; *noasewesich, nasewaisich, naischirich, niischirich* – *neugierig*, *pes, peis* – *böse* [2, карты 33, 39, 40]. Однако фонетические особенности не являются принципиальными для изучения семантической вариативности в данном случае.

Диалектная лексика имеет, с одной стороны, достаточно большой инвентарь лексики для выражения и описания эмоционального состояния. Однако, находясь в изоляции и не имея возможности дополнить свой состав другими немецкими словами, островные говоры вынуждены выражать весь обширный спектр эмоций ограниченным количеством слов, что приводит к изменениям и сдвигам в значении слов. Следует заметить, что нейтральные прилагательные *gut* и *schön*, не имеющие собственно эмотивного значения, могут выражать и передавать описательно любое эмоциональное состояние или черту характера, особенно если говорящий затрудняется с быстрым подбором адекватного и более точного слова. Так, например, *gut* употребляется в говорах наряду с другими прилагательными для обозначения «радушный, добросердечный, гостеприимный»:

Mei Mama isch a gute, leichtherziche Fro. (Sch) – Meine Mutter ist eine gutherzige Frau.

Прилагательное *schön*, имеющее различные фонетические варианты *scheen, schej, schien*, помимо значения «красивый, прекрасный» может выступать в значениях «хороший», даже «интересный»:

Ts Kino war so scheej un mir ware ganz froh. (P) – Das Kino war gut. Wir waren ganz froh.

А также используется для характеристики человека (искренний, сердечный) и для обозначения удовольствия, удовлетворения:

Mi jefolle emma schejne Mensche. (K) – Mir gefallen immer gutherzige Menschen.

Dem geht alles scheen. (Sch) – Ihm gefällt immer alles.

Прилагательное *schlecht* может выражать весь спектр отрицательных коннотаций и используется для обозначения различных негативных качеств человека и его психических состояний, носит обобщающий характер:

Dr Mann hat die schlechte Natur. Und er tut sich mit jedem streide. (H) – Der Mann hat schlechten Charakter. Er streitet immer mit allen.

Аналогично развивается и значение прилагательного *böse*:

Der is so ejn peise Mensch, der tut sich mit alle streide. (H) – Er ist ein böser Mensch. Er streitet immer mit allen.

¹ В примерах села обозначаются следующим образом: Подсосново – (P), Гальбштадт – (H), Шумановка – (Sch), Кусак – (K)

Важным свойством диалекта является его консерватизм — способность долго сохранять древние и реликтовые явления, восходящие к начальному периоду истории немецкого языка. Это свойство делает диалект ценнейшим источником при выявлении закономерностей исторического развития языка. При архаизации значения слово может употребляться как в исходном на момент переселения значении, так и в новом значении, которое развилось в говоре в последующее время. Так, лексема *kaschtig* сохранила в говорах старое значение «feindlich ungestüm, erregt, jähzornig», которое в современном немецком языке преобразовалось в «unruhig, schnell, eilig»:

Ea isch a kaschtiche, streetige Mann (Sch) – Er ist ein böser, streitsüchtiger Mann.

Прилагательное *frech* обозначает, как и в современном немецком языке, наглого человека, который не имеет чувства стыда:

Ea isch e freche Kerl. Er schämt sich net. (Sch) – Er ist ein frecher Kerl. Er schämt sich nicht.

So was Unverschämtes und Freches habe ich nicht gesehen. (Sch) – So was Unverschämtes und Freches habe ich nicht gesehen.

Однако следует отметить, что в говоре сохранилось и старое значение этого прилагательного, которое было утрачено литературным немецким языком и большинством диалектов. В средненемецком *frech* значило «mutig, kühn». Это значение очень актуально в диалекте, оно реализуется в определенном контексте, в котором положительная оценка очевидна:

Unsere Nachbarin ist e freche, kuroshiche Fro. Tie kommt iwerall turch. (Sch) – Unsere Nachbarin ist eine mutige Frau. Sie kommt überall durch.

Sie isch a ofglebte, freche Frau (K) – Sie ist eine lebhafte, mutige Frau.

Прилагательное *toll/doll* также выступает преимущественно в старом значении «zornig, wütend». В нижненемецких говорах *doll* употребляется исключительно в значении *böse*.

Hea uf zu priefe! Tu machscht te Vata toll. (Sch) – Hör auf zu weinen! Du machst den Vater toll.

D Majal is doll ent stirrköppig. При этом респонденты сами уточняют значение: Die war dickkeppig und bees. (K)

Другой отличительной чертой диалектной эмотивной лексики по мнению И. Трира является превалирование в ней лексем с отрицательной коннотацией. Гнев, ярость, насмешка, боль находят свое отражение в словарном составе и фразеологии и способствуют появлению все новых лексем и фразеологических единиц. В психологии выделяются базовые эмоции, т.е. эмоции, соответствующие некоторым фундаментальным физиологическим и психологическим процессам, которые, объединяясь, образовывали бы все другие эмоции. К. Изард предлагает 8 базовых эмоций, к которым относятся интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение и страх [7, с. 64]. Как видно из этого списка, количество положительных эмоций явно уступает отрицательным. Это объясняет и тот факт, что в любом языке способы выражения отрицательного более детализированы, дифференцированы и обладают большей лексической вариативностью.

Самое большое количество прилагательных характеризует эмоции гнева и злости: *hexig, hitzig, jähzig (jähzornig), kaschtig (hastig), kiftig (giftig), nerves (nervös), pees (böse), streiftig/streetig (streitsüchtig), toll/ rasel toll, doll, wild, furig, wudig (wütend), za'nig (zornig), net zufriede (unzufrieden)*:

S Mädle wor wiischt und zarnig. (H) – Das Mädchen ist zornig. Dr Vadr ist imma furig, wann mir wenig zu ehm komme. (H) – Der Vater ist immer böse, wenn wir selten zu ihm kommen.

Лексема *hitzig* помимо переносного значения от «Feuer, Sonne» (innere Wärme der Menschen, die zu erhöhten Lebensäußerungen antreibt) содержит также сему «zornig, ungeduldig», что зафиксировано в словарях и является еще одним способом обозначения эмоции гнева: *Sei net so hitzig. (Sch) – Sei nicht so hitzig (böse).*

Интересными являются форма и содержание ряда лексем. Так, в говоре сохранилась форма *wudig*, которая этимологически восходит к *Wut*, но в XVIII в. повсеместно была заменена новой формой *wütend*. Старая форма *wütig* в различном фонетическом оформлении сохранилась в некоторых диалектах [11, Bd. 30: Sp. 2538]. Трансформации в говоре подверглась также лексема *jähzornig*. Произошло частичное выпадение компонента *-zorn-*. Первый компонент данного сложнопроизводного слова *jäh-* исторически имел значение «unerwartet schnell; plötzlich herabstürzend; heftig, leicht zornig». Поскольку обе морфемы имели в своей семантической структуре компонент «гнев», то произошло семантическое усечение дублирующего семантического признака, в результате появилась стяженная форма *jähzig*.

Метафорически гнев может быть репрезентирован прилагательным *wild*, которое может обозначать различные по интенсивности эмоциональные состояния на шкале от неудовольствия до необузданного, неконтролируемого гнева. Однако встречается и другая возможность употребления прилагательного *wild*, производное от его прямого значения, при этом оно имеет значение близкое к «scheu, ängstlich»:

Unse Nachbar wohnt allojig, die is wild und fremd. (P) – Unsere Nachbarin wohnt allein, sie ist ängstlich.

Прилагательные группы «печаль – страдание» тоже достаточно многочисленны: *pschlocha/ kschlache (beschlagen), kimmlich, mutzig, traurig, triep/betreib (trübe), iwel (übel), uklicklich (unglücklich), net zufriede (unzufrieden)* и др.:

Es keht mia kimmlich (Sch) = Es geht mir schlecht.

Er wor so traurig, wie ich ihn letzte Mol ksehe heb. (H) – Er war so traurig, als ich ihn zum letzten Mal gesehen habe.

Mia woa s ufs Herz so iwel. (Sch) – Mir war es so schlecht auf dem Herzen.

В диалекте *mutzig* получило это значение от исходного «eingefallen, schwächig im Körperbau; im Sinne von faulig» [11, Bd. 12, Sp. 2843]:

Was bischt so mutzig? (Sch) – Warum bist du so traurig?

В состоянии печали человек ощущает себя глубоко несчастным, неудовлетворенным. Для обозначения данного эмоционального состояния в немецких говорах Алтая используются лексемы *unklicklich (unglücklich), net zufriede (unzufrieden)*, прилагательное *arm* в сочетании с существительными или в составе других слов *arma Tropf (armer Tropf), arma Sint (armer Sünder), Armselige (Armseliger)*:

Ea is a arma Tropf, ea hat arig viel Elend. (Sch) – Er ist ein unglücklicher Mensch. Er hat sehr viel Leiden.

Unse Nachbar isch immer umzufriede. (H) – Unsere Nachbarin ist immer unzufrieden.

Прилагательные группы «беспокойство – волнение – страх» являются немногочисленными: nerves/ norveis (nervös), unruhig, ufkrekt (aufgeregt), ufknervt (aufgenervt), schrecklich. Обе лексемы – unruhig, ufkrekt – являются очень употребительными в говорах:

Sie war ufkrekt fia ihre Kinne. (Sch) – Sie macht sich Sorgen um ihre Kinder.

Mir wore so ufgeragt. So Engst hen ich in mein Lewe noch net kspiirt. (H) – Wir waren so aufgeregt. So viel Angst habe ich in meinem Leben nicht gefühlt.

Эмоция интереса проявляется в двух семантических плоскостях: во-первых, интерес как проявление желания и склонности к чему-либо, во-вторых – как любопытство. В первом случае носителями говора используются следующие прилагательные и наречия: *interessant, wichtig, wunderlich, noaseweisig (naseweise), noaseweisige Ricka Paas (naseweise Tante Ricke), altneisig (H), neischirig (H)*.

S Kino woa so interessant und mia wore ufglebt. (H) – Der Film war interessant und wir waren lustig.

Интересно зачастую выступает синонимом к *naseweis*.

Mir wor es interessant, was dort vorgeht. (H) – Es war mir interessant, was da vorgeht.

Любопытным представляется и семантический сдвиг в значении прилагательного *wichtig*, которое в говорах с. Кусак и с. Гальштадт может выражать интерес и любопытство.

Mir is arig wichtig, neiserig, was da voageht. (K) – Ich war neugierig, was dort vorgeht.

Tas Bild war net wichtig, mia ware ufgeragt. (K) – Der Film war nicht interessant. Wir waren unzufrieden.

Данное употребление зафиксировано всего у трех респондентов, что не позволяет сделать однозначный вывод об узальности данного значения, однако даже сам факт такого употребления в двух селах можно рассматривать как начальный этап возможной конвенционализации.

Группа прилагательных, обозначающих положительные эмоции, гораздо менее многочисленна, чем прилагательных, репрезентирующих отрицательные эмоции. Однако, например, любовь представляет собой сложный, объемлющий другие эмоции (радость, удовольствие, интерес, желание и др.) феномен, и язык должен адекватно отражать всю многогранность и неповторимость данного чувства. Поэтому в островных говорах существует достаточно большое количество лексических и фразеологических единиц для обозначения и выражения любви и смежных с ней эмоций, например, *gutherzig, herzlichlich (herzlichlich), leichtherzig, woichherzig (weichherzig); lieb hawe (j-n lieb haben), kjan hawe (j-n gern haben)*. Последние характеризуются меньшей интенсивностью, способностью относиться

также к неодушевленным предметам. В общем и целом эти выражения могут обозначать также симпатию, доброжелательность:

Ea hat alle kjan. Ea is herzlichlich. (Sch) – Er hat alle gern. Er hat ein gutes Herz.

Mej Mama is woichherzig und gud zu de Lejd. (H) – Meine Mutter ist gutherzig und gut zu den Leuten.

Mir kfalle immer herzliche Leit. (H) – Mir gefallen immer gutherzige Leute.

Для нежного обращения к любимому, близкому человеку используются выражения: *mej Liebschte* (mein Liebster), *mej Koldiches* (mein Goldiges) – как правило о ребенке. «Koldich» может относиться не только к человеку, но и к вещи, которая вызывает также чувство умиления, как и ребенок:

Oh wie isch tes koldich! (Sch) – Oh wie schön / entzückend das ist!

Ряд прилагательных может выражать состояние радости и счастья: *froh, freudig, klicklich* (glücklich), *luschtig/lustig* (lustig), *ufklebt* (aufgelegt);

Ich pin froh, tass mia uns wita zu seha krikt hen. (Sch) – Ich bin froh, dass wir uns wieder zu sehen gekriegt haben

В значении «леbensfroh» употребляется прилагательное *ufklebt* (aufgelegt):

Mir ware alle ufgelapt un mir hen echt viel glacht. (P) – Wir waren froh und haben viel gelacht.

О веселом человеке, который испытывает радость, носители говора скажут:

Ea isch a luschtige Mensch/ Kerl / Komrad (Sch) – Er ist ein lustiger Mensch/ Kerl/ Kamerad.

Прилагательное *lustig/luschtig* помимо прямого обозначения состояния может обозначать и действие «*luschtig sei* = *sich amüsieren*», в говоре с. Шумановка отсутствует специальный глагол «веселиться», это значение передается в основном различными описательными средствами: *luschtig sei, sich gut nährisch mache*.

Следует отметить, что семантика прилагательных с положительным значением практически не претерпела никаких се-

мантических изменений. При анализе данных лексем мы можем констатировать лишь фонетическое варьирование.

Другой характерной чертой диалектных прилагательных является отсутствие заимствований из русского языка. Причин может быть несколько. Во-первых, большое и достаточное для коммуникации количество прилагательных различной семантики. Во-вторых, прилагательные гораздо больше других частей речи подвергаются семантическому переосмыслению, о чем свидетельствуют специальные исследования в области исторической семантики прилагательных (см. [8]). Так, например, прилагательное *beleidigt* употребляется в основном значении, но может выступать и синонимом для лексемы *enttduscht*:

Ts Kino war net interessant, wia wore beleidigt. (H)

В третьих, в случае затруднений в подборе слова носитель диалекта всегда может быстро выразить это описательно: например, в говоре с. Шумановка отсутствует прилагательное *schadenfroh*, при этом носители говора легко находят другое, описательное средство выражения:

Ea froat sich, wenn de andere Schwierigkeiten henn. (Sch) – Er freut sich, wenn andere Schwierigkeiten haben.

Таким образом, диалектные прилагательные обладают, с одной стороны, семантической стабильностью, сохраняя старые, исходные на момент переселения, значения. Этим объясняются случаи архаизации и неизменности значения в течение всего времени существования данных островных говоров. С другой стороны, прилагательные подвержены семантической вариативности, особенно эмотивные прилагательные с отрицательной коннотацией. Изучение семантической вариативности требует еще дополнительного изучения не только в рамках отдельных говоров, но и также в контексте языковых контактов (говор – говор, говоры – русский язык, говоры – литературный немецкий язык).

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 6.4280.2011

Библиографический список

1. Москалюк, Л.И. Современное состояние островных немецких диалектов. – Барнаул, 2002.
2. Москалюк, Л.И. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. – Барнаул, 2010. – Ч. 1.
3. Москалюк, Л.И. Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае / Л.И. Москалюк, Н.В. Трубакина. – Барнаул, 2011. – Ч. 2.
4. Малиновский, Л.В. Немцы в России и на Алтае. – Барнаул, 1995.
5. Богословская, З.М. Диалектная вариантология. – Томск, 2005.
6. Москвина, Т.Н. Изучение диалектной лексики в русле исторической семантики // Филология и человек. – № 3. – 2010.
7. Изард, К.Э. Психология эмоций. – СПб., 2002.
8. Keller R., Kirschbaum I. Bedeutungswandel. – Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 2003.

Bibliography

1. Moskalyuk, L.I. Sovremennoe sostoyanie ostrovnihkh nemeckikh dialektov. – Barnaul, 2002.
2. Moskalyuk, L.I. Lingvisticheskiy atlas nemeckikh dialektov na Altae. – Barnaul, 2010. – Ch. 1.
3. Moskalyuk, L.I. Lingvisticheskiy atlas nemeckikh dialektov na Altae / L.I. Moskalyuk, N.V. Trubavina. – Barnaul, 2011. – Ch. 2.
4. Malinovskiy, L.V. Nemci v Rossii i na Altae. – Barnaul, 1995.
5. Bogoslovskaya, Z.M. Dialektnaya variantologiya. – Tomsk, 2005.
6. Moskvina, T.N. Izuchenie dialektnoy leksiki v rusle istoricheskoy semantiki // Filologiya i chelovek. – № 3. – 2010.
7. Izard, K.Eh. Psikhologiya ehmocij. – SPb., 2002.
8. Keller R., Kirschbaum I. Bedeutungswandel. – Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 2003.

Статья поступила в редакцию 20.09.12

УДК 81'28+811.112.2

Trubavina N. W. **SYNTAX OF THE INSULAR GERMAN DIALECTS: MAPPING PROBLEMS.** The article describes the main stages in mapping the syntactic peculiarities of the insular Altai German dialects. A special attention is paid to the Problem of gathering and processing the practical material.

Key words: Low insular Altai German dialects, syntax, mapping, Altai-region,

Н.В. Трубакина, канд. филол. наук, доц. АлтГПА, г. Барнаул, E-mail: tschichni@mail.ru

СИНТАКСИС ОСТРОВНЫХ НЕМЕЦКИХ ГОВОРОВ: ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

В статье освещаются основные этапы работы по картографированию синтаксических особенностей островных немецких диалектов на территории Алтайского края. Особое внимание уделяется проблеме сбора и обработки материала.

Ключевые слова: островные немецкие говоры, синтаксис, картографирование, Алтайский край.

В последние десятилетия наблюдается очередной всплеск интереса к проблематике островной немецкой диалектологии [1].

Одним из актуальных исследований в этой области является научно-исследовательский проект «Лингвистический атлас не-